

"Жизнь прошла так быстро..."

Памяти **М.И. Зимненко**, учителя,
Почетного гражданина г. Алапаевска,
председателя Алапаевского горисполкома
в 1963-1967 гг.

Эти слова Мария Ивановна Зимненко сказала, когда ей исполнилось восемьдесят. Еще через десять лет она написала их в воспоминаниях о своей жизни в Алапаевске, небольшом уральском городке. Их невозможно читать равнодушно. В них не только ее жизнь, но жизнь семьи, волею судьбы по столыпинской реформе, уехавшей с Украины на свободные земли Алтая. В них - история Родины. С болью и горем, победами и желанием любить и жить на благо страны.

Алтайское детство

- Мой дед родился в Полтавской губернии, в селе Глобино. Был крепостным. Вспоминаая, рассказывал, что помещица построила в селе школу, все дети учились, обучались профессиям. Мальчики учились на столяров, девочки были белошвейками. Он научился шить отличную, не отличишь от фабричной, обувь. По тем временам дед был грамотным человеком, много читал, большей частью

религиозную литературу. Дважды ходил на святую землю в Иерусалим. Уже, будучи женатым, работал на железной дороге.

Бабушку по отцу звали Кристина Федоровна. Она была старше деда на два года, родила восемнадцать детей, но выжили только четверо: Мефодий, Варвара, Анна и мой отец - Иван.

Земли на Украине не хватало, и семья по столыпинской реформе поехала в Сибирь, за Урал, в Алтайский край, село Гуселетово Мамонтовского уезда. По этой реформе проблему перенаселенности центральных районов России и недостатка земель предполагалось решить при помощи переселения части крестьян в другие районы, например, за Урал. Правительство выделяло деньги для обустройства поселенцев, прокладки дорог, медицинского обеспечения. Бабушка Неонила (по маме) рассказывала, что вместе ними из села выехали еще несколько семей. Добирались до места шесть-семь месяцев: поездом, пароходом, на лошадях и телегах, пешком со всем семейством. Везли с собой коров, свиней, овец кур, гусей. Когда приехали, им отвели землю. Строили общиной. Сначала одному, потом другому... К зиме управились.

Вот только жизнь у бабушки Неонилы не задалась. Она была красавица. Дед Софрон пил запоями, ревновал ее страшно. Все говорил, что любит. Привязывал бабушку за две черных косы к столбу и бил... Мы бросались защищать, он совсем становился зверем. А потом плакал, просил прощенья, целовал бабушку. Умер от запоя в пятьдесят лет.

Отец - Иван Петрович Норенко, женился на моей маме - Ефросинье Сафроновне, женщине бойкой и ответственной.

Работать, как и все крестьянские дети, они начали рано, в пять, шесть лет. Выезжали в поле пахать, сеять, кормить и поить лошадей. Помню, как мама рассказывала страшный случай из ее детства, когда дед оставил ее одну, семилетнюю девочку летом в лесу, в землянке. Ночью к землянке пришла стая волков. Она решила уберечься от них на крыше землянки, волки пытались достать. Она билась с ними до утра. Дед пришел утром и все сожалел, что не сказал

ей, что не надо было выходить из землянки...

Мама с раннего детства ездила верхом на лошадях, была хорошей наездницей. На соревнованиях брала призы. Вспоминала, что киргизы, казахи боролись за нее, чтобы она на соревнованиях ездила на их лошадях.

В родительском доме на Алтае у нас были две комнаты. В одной большая русская печь, полати, вдоль стены широкие лавки, большой обеденный стол. На лавках спали гости и проезжие, в приюте никому не отказывали. В углу висели иконы, лампадка. Другая комната была горница, чистая, нарядная. В ней спали родители. Мы, дети, летом спали в горнице на полу, зимой - на полотах. Жили бедно. Игрушек не было. Даже санок. Двоюродный брат Николай делал зимой таз из навоза, обливал водой, замораживал, на нем катались с катушки, так назывались ледяные горки.

Отец мой - Иван Петрович Норенко участвовал в Первой мировой войне, два раза бежал из австрийского плена. В гражданскую воевал в Чапаевской дивизии. Он был умным, честным человеком, хорошим организатором, в селе был председателем сельпо.

Суровые тридцатые

Я родилась 1 июля 1923 года и похожа на отца не только внешне, но и характером, наклонностями. В 1931 году семья по приглашению племянника отца, Норенко Ивана Аввакумовича, он работал в НКВД, переехала в г. Свердловск. Папа устроился на строительство УЗТМ, мама здесь же работала машинистом крана в кузнечно-прессовом цехе в известной тогда бригаде стахановца Силкина. Имя его гремело на весь завод и не только. На всех праздниках он сидел в президиуме.

История его семьи - трагедия многих семей тех лет. Стахановца и передовика в течение дня отправили в лагерь по доносу завистливого сослуживца за то, что он, глядя на портрет Сталина, неровно висевший на стене, сказал: "Что-то наш вождь покосился..." На плечах у жены осталось семеро детей, восьмым она была беременна, с работы ее уволили, из дома выселили. За нее не побоялся заступиться мой отец. Женщине вернули работу, дали комнату. Как они жили в то голодное время, только представить... Но она вырастила хороших детей. Один стал профессором, доктором наук, второй - директором крупного стадиона, одна из девочек стала чемпионкой мира по легкой атлетике. Честное имя Силкину вернули посмертно, в 1952 году. Наша мама была близка с его женой, и мы, дети, знали друг друга.

Вскоре нам дали две комнаты в двухэтажном доме по улице Молотова. Большая кухня, холодная вода, туалет - это был для нас рай! Была карточная система, но мама всегда находила выход, и я не помню, чтобы мы голодали, но стояли в очереди по ночам за молоком и хлебом.

Учиться я пошла с девяти лет. Мою первую учительницу звали Надежда Михайловна. Я просила ее принять в школу и мою сестру Ольгу, хотя ей еще не было семи лет. Так надоела учительнице, что она разрешила. Посадили Олю на последнюю парту, чтоб не мешала. А она все воспринимала и стала учиться лучше всех.

Жили мы трудно, но дискриминации между бедными и богатыми не было. Да и не было богатых. Кормили детей в школе бесплатно. Были инженеры, врачи, учителя, работники и руководители. Никто никого не охранял, как сейчас охраняют олигархов и воров. Дворцы пионеров, станции юннатов и юных техников - все было бесплатно.

Самое тяжелое в нашем детстве - это были очереди за хлебом и молоком. Очереди занимали часов в одиннадцать-двенадцать ночи, стояли до открытия, семи утра. Особенно трудно было зимой. Я и Оля, ходили по очереди, зимой одевались потеплее. Мы, дети, долго не знали вкуса фруктов. Впервые я попробовала яблоки перед войной. Отец ездил в санаторий и привез. Каждый раз, когда я приходила в гастроном и видела огромное количество конфет, говорила себе: "Вот вырасту, буду работать, куплю". Я очень любила сладкое, особенно мороженое.

Война

В 1941 году я закончила девять классов. Мы возвращались с прогулки из леса, когда

услышали по репродуктору выступление Молотова о том, что на нашу страну напали фашисты, и началась война. Было жутко и страшно, люди плакали. Но уже через час-два к военкомату шли добровольцы. Тайком от родителей я пошла на курсы сандружиниц, хотела на фронт. Пришла в военкомат, военком мое заявление не принял. Сказал, глядя на мои две черных косы, что "таких не берем, иди, учись в учительский институт, а я прослежу".

И я пошла учиться на исторический факультет учительского института. Учились в нем два года. Осенью нас отправили в колхоз. Сначала "на картошку", потом вручили серпы и сказали, что надо жать рожь. Кормили овощами, мяса не было. Не было и мыла, мылись щелоком (вода, настоянная на золе). Одежда была плохая, мы простыли, нас одолевали вши и фурункулез. А вызова в институт все не было. Потом узнали, что в институте нас потеряли. Оказалось, вызов задержал председатель. Объяснил нам просто: уедете, урожай убирать будет некому.

Тогда мы решили уйти из колхоза сами. Было уже начало ноября. Встали утром, в четыре часа и пошли к поезду в Туринск пешком. Шел снег, было холодно, а мы шли и шли... Пришли в город вечером, зашли к начальнику станции, он пил чай. Увидев нас, стал медленно подниматься. Испугался нашего вида, спросил: "Кто вы?" Потом нас напоили горячим чаем, ночью посадили в поезд.

Дома родители и сестры от моего вида были в шоке.

В 1942 году летом у нас образовалась группа офицеров - военные полпреды. Это были выпускники вузов из Харькова, Киева, Москвы, им было двадцать два-двадцать шесть лет. За мной ухаживал Олег Шкляревский из Харькова, он был военпредом на заводе им. Калинина. Красивый, воспитанный, он никогда ничего лишнего себе не позволял. Да и отношение к девушкам тогда было другое. Нас любили, уважали и берегли. За Симочкой ухаживал Вася Хильченко (он умер в 2010 году, Симочку любил всю жизнь). Она в 1945г. вышла замуж за Д.Сергиенко. А Олег в январе 1944 года сопровождал на фронт эшелон с танками. Что стало с ним, не знаю, письма от него приходили перестали. С Васей разговор об Олеге не заводила, и он мне тоже ничего не говорил.

Сколько судеб искалеченных войной прошло возле меня за эти годы! В 1942 году к нам на истфак поступил фронтовик-летчик, раненый в голову, он стал слепым. Ему было только двадцать два-двадцать четыре года. Красивый, стройный, он долго лежал в госпитале. За ним ухаживала медсестра, симпатичная блондинка. Они влюбились друг в друга, поженились. Она водила его в институт, мы по очереди с ним занимались. Он все спрашивал нас, как выглядит его жена, мы рассказывали, он улыбался. У них родился ребенок. Жаль, что его дальнейшую судьбу я не знаю.

В Алапаевск, в Зыряновку!

По окончании института я получила направление в школу № 1 г. Алапаевска.

Родители - в шоке: война, голод, как я буду одна? В ответ на предложение остаться в Свердловске, работать в другой школе, отказалась: "У меня направление облоно, обкома ВЛКСМ. Не поеду, посчитают дезертиром". Мне хотелось, если не взяли на фронт, поехать туда, где трудно.

В Алапаевске заведующая отделом народного образования, эвакуированная из Кривого Рога, посмотрела на меня внимательно и сказала: "Мария Ивановна, не местным жить в городе очень тяжело. На карточку дают только 300 граммов хлеба в день, соль, сахар - на месяц. Ведро картофеля стоит 400-500 рублей, литр молока - 120 рублей, а ваша зарплата - 500-550 руб. в месяц". И предложила поехать в Зыряновку, центр горнорудной промышленности района. "Там много эвакуированных, интеллигентный управляющий рудоуправления. За счет подсобного хозяйства детям и учителям дают бесплатные завтраки. Учителя ежедневно обедают в рабочей столовой".

Я согласилась. Поеду куда угодно, лишь бы людям была от меня польза. Директор Зыряновской школы Анна Ивановна Семеновская, эвакуированная из Твери, сразу вручила приказ о назначении меня учителем истории и иностранного (немецкого) языка.

Работать в школе мне нравилось, дети меня не огорчали. Старалась чаще быть с ними, приучала читать художественную литературу, вела кружок по истории, у меня были хорошие

контакты с родителями. Я полюбила поселок, его людей. Потом, когда перешла на работу сначала в горком, потом - председателем горисполкома, сделала все, чтобы здесь появились новая школа и детский сад. А когда закрыли шахты, чтоб у людей была работа, и они не уезжали, создали в поселке новое предприятие - завод по ремонту автомобилей. Помог в этом тогда уже бывший первый секретарь горкома КПСС Георгий Силыч Зернов. Он работал начальником управления автомобильного транспорта в Свердловске.

Закончились зимние каникулы, нужно было возвращаться в Алапаевск. Отец проводил меня на поезд. Приехала в город в половине второго ночи. Транспорта никакого. И вот ночью, зима, глухая темень, одна иду три километра через весь город, через реку Нейву, потом еще восемь километров по железнодорожному полотну до Зырянки. Кругом лес, темнота и - никого. Боялась только волков, плохих людей тогда почти не было. По характеру я трусиха, но тогда ничего не боялась, такие походы были часто. Вспоминая эту ночь, я прихожу в ужас, как я могла? А что было делать? Шла война, а на войне было еще страшнее.

Встреча с Орестом

Однажды дочь хозяйки квартиры, она работала в отделе кадров рудоуправления, сказала мне, что на рудник приехал новый начальник Северного участка Орест Зимненко, как оказалось потом - мой будущий муж. Он тоже был эвакуированным из Кривого Рога, ему было поручено сопровождать горное оборудование на Урал. Сначала работал в Картах, потом трест перевел его в Зырянку.

20 августа 1944 года я вернулась из отпуска в Зырянку. Было очень голодно. Зимой начальник рудоуправления Штенберг приказал выдать всем учителям картофель на посадку. А потом выделить землю и распахать. Мы с Александрой Ивановной Телегиной, учителем русского языка и литературы, картошку тоже посадили. Пока меня не было, она за ней ухаживала. В тот день она предложила мне сходить, посмотреть картошку, но где-то задержалась. Я решила идти одна. Вечер был великолепен: тепло, сухо, тихо. Я шла и пела. Настроение было прекрасное, мне только двадцать один год!

Нашла наш участок, склонилась над кустом и вдруг слышу: "А у меня лучше картофель!" Я вздрогнула от неожиданности. Рядом со мной, на соседнем участке стоял тот самый молодой человек, на которого я однажды в клубе обратила внимание: высокий, с волнистой шевелюрой, большие серые глаза, нос горбинкой... Это был Орест Зимненко, начальник северного участка рудоуправления (шахты № 10,13). Тогда, в клубе Александра Ивановна Телегина сказала мне, что он не женат. (Орест - редкое имя греческого происхождения. Люди с таким именем доброжелательны, покладисты и трудолюбивы. Всегда добиваются своей цели. *Прим. Л.М.*).

Обратно мы шли вместе, Орест признался мне, что давно обратил на меня внимание, но подойти и познакомиться не решался. Он с Украины. В июле сорок первого, когда немцы наступали, нужно было эвакуировать горное оборудование из шахты на Урал. Его назначили начальником состава, он привез оборудование на Урал, в Челябинскую область, в г. Карталы. Трест назначил его начальником марганцевого рудника. А в декабре 1943 г. его перевели в Зырянку начальником участка. Как потом оказалось, из-за жены, о которой я сначала не знала. На Украине в г. Марганце, с. Городище осталась его мать с тремя младшими братьями. Мать с ними не успела эвакуироваться, забыла дома документы, они отстали от поезда, опоздали. Он ничего не знал о семье, а мне было его очень жаль. Там, на Украине были фашисты.

На зырянских шахтах работали настоящие люди: сильные духом, умные. Со многими из них мы потом дружили долгие годы. Шахты выполняли план на 140-150%, железная руда Алапаевского месторождения очень ценилась. Содержание железа в руде доходило до 48-51 процентов, в ней было мало примесей, из нее получали сталь высокого качества. До революции на выставках в Лондоне алапаевское железо удостаивалось золотых медалей. Кровельным железом из Алапаевска сразу после того, как отогнали фашистов от Москвы, была закрыта крыша корпусов МГУ.

Всем нам было жаль, когда в 1963-1965 гг. шахты Зырянки, Алапаевска, Синячихи по решению Правительства СССР были закрыты, законсервированы.

В 1947 году мы поехали на Украину, в город Марганец, где жили мать Ореста и его брат

Антон Федотович с семьей, было много родственников. Мать Дарья Даниловна приняла меня хорошо, его родная тетя Христина и ее дочь Мария Петровна с восторгом. Тетя, разводя руками в стороны воскликнула: "Якась молодесенька, якась гарнесенька!" Антон Федотович и его жена Валентина были не так приветливы. Встреч с друзьями Ореста, родственниками было много, я устала. Была неприятная встреча с женой Ореста Марфой Григорьевной, но Орест ее выпроводил. Она переписала на себя его дом. Он платил ей на детей 33 процента от зарплаты. Деньги были большие, они нужны были детям, и мы не жалели. Когда мы покидали г. Марганец, нас провожали Дарья Даниловна и Антон Федотович. Антон Федотович потом будет часто приезжать к нам, изменит свое отношение ко мне. Мать будет любить меня, ценить и уважать.

На руднике в Верхней Синячихе

8 апреля 1947 года Ореста перевели в Верхнюю Синячиху (20 км от Зыряновки), начальником Верхнесинячихинского рудника. Перед ним была поставлена задача восстановить законсервированную шахту, дать железную руду Верхнесинячихинскому металлургическому заводу. Орест поехал один, меня из школы до конца учебного года не отпустили. Орест жил один, часто перезванивались, скучали.

В Верхней Синячихе сначала жили в доме, который был на конном дворе. Мне там не нравилось и Орест дал задание построить дом на поселке рудника. Дом на две половины был быстро построен. Вторую дали лучшему забойщику Абросимову Ивану Гавриловичу с семьей. Его жена работала на руднике заведующей столовой, сын Володя четырнадцати лет. Иван Гаврилович был малограмотный, но амбициозный, смекалистый, остроумный. С ним всегда было весело.

Орест написал письмо в Карталы с приглашением на работу шахтеров. И многие семьями, со скотом и т.д. приехали. К лету шахта была укомплектована кадрами. Большинство приехавших были татары, но на это никто не обращал внимания. Нас часто приглашали в гости, это было утомительно. Однажды нас пригласил в гости на свой день рождения лучший забойщик Атметханов. Я сказала, что я не пойду. Орест строго посмотрел на меня "Маша, ты подумала, что скажут рабочие? Что начальница ходит только к русским, а к татарину, лучшему забойщику Атметханову не пойдет. Ну, как?"

- Я не подумала об этом. Прости, пойду.

В семье Атметханова, других татарских семьях я увидела чистоту в жилье, одежде. Жили трудно, но дети и жилье - чисты. День рождения был веселым и интересным.

Были у нас друзья: военком Виктор Иванович Ярыгин, и его жена Нина, фельдшер - фронтовик Яков Александрович Халемин (он потом стал доктором медицинских наук), инструктор райкома партии по промышленности Николай Вараксин другие.

В школу!

Приближалось первое сентября. Но Орест был против, чтобы я работала, он хотел, чтобы я была дома. И вот утро 1 сентября. Орест закрыл меня на замок и ушел на работу. Я посмотрела в окно, увидела детей, идущих в школу, и у меня заныло сердце. Мне захотелось на работу. Оделась, взяла документы, подошла к окну, но было очень высоко. Увидела Володю Абросимова, попросила его поставить лестницу. Выбралась и пошла в районо. Заведующая районо Анна Андреевна Савина, молодая, красивая женщина, встретила меня с улыбкой: "А мы только говорили о Вас. Знаем, что у начальника рудника жена учительница. И если она настоящая учительница, то не усидит дома. Мы рады Вас видеть и принять на работу". Меня назначили завучем средней школы рабочей молодежи.

Школы рабочей молодежи в то время были очень нужны. Все, кто вернулся с войны и не имели среднего образования шли учиться. Занятия в школе для работающих по сменам шли утром и вечером. Тяга к знаниям была большая, учителей не хватало. Мне кроме уроков истории приходилось вести уроки литературы, географии. Было интересно.

ЧП на шахте

В 1948 году отменили карточную систему на продовольственные товары. Страну восстанавливали, жить стало лучше. Орест был отличным специалистом, знал горное дело,

эксплуатировал и восстанавливал шахты. Еще в 1943 году он был включен в группу академика И.П. Бардина - бога металлургии (с 1942 по 1960 год Бардин — вице-президент АН СССР. В годы Великой Отечественной войны руководил работами академии, возглавлял Уральский филиал Академии наук СССР, был основателем нескольких свердловских НИИ, направленными на мобилизацию ресурсов восточных районов СССР для нужд обороны) по поиску ванадия в Средней Азии. Приказ был подписан самим Молотовым. Ванадий был нужен для самолетостроения, танков, артиллерии. Ванадий нашли. Орест много рассказывал мне про эту экспедицию. Говорил, что это большой ученый, Иван Павлович Бардин сделал многое для страны.

Орест не просто знал горное дело, он чувствовал дыхание шахты. В начале 1949 года они стали делать запасной выход из шахты. К июню работы по завершению выхода осталось немного. Дали задание: к понедельнику сделать.

В воскресенье в Зырянке должны были играть в футбол наша и зырянская команды. Орест собирался. Транспорт: выездная лошадь для нас, а футболисты на грузовой машине - почти тридцать километров. А в шахте делает проход бригада Абросимова. Орест объяснил работу забойщикам в присутствии молодого главного инженера шахты Г.И. Пепелева. Сказал им, что бурить нельзя, а работать медленно и вручную: что близко песок и вода, и что от их работы зависит жизнь людей и шахты. Нам не хотелось ехать в Зырянку, но управляющий С.В. Морозов приказал быть, кроме футбола есть и производственные вопросы.

Началась игра. Через несколько минут к Оресту бежит дежурный, зовет его к телефону. Тогда не было сотовых, что есть сейчас. Орест побежал к телефону, главный инженер сообщил, что в шахте обвал, что без его ведома Амбросимов начал бурить. Орест спросил о людях, сказали, что все в порядке. Он приказал срочно крепить шахту. Приехали, Орест побежал к ней, а я стояла на поверхности. Шахту спасли. Он вышел из шахты, пошел на то место, где должен быть выход. Я стояла у леса, Орест шел мне навстречу. И вдруг вижу, что земля под ним зашевелилась. Как закричу: "Орест, беги, беги ко мне!" Он побежал. Через минуту, там, где был Орест, уже была воронка. Если бы я не следила за его движениями, его бы затянуло, и все...

Шахта была восстановлена, запасной выход сделан.

В ноябре 1948 года Ореста перевели начальником рудоуправления в Алапаевск. В Алапаевске меня назначили завучем семилетней школы №12.

Виктор Ярыгин, адъютант маршала Жукова

В начале декабря 1949 года в одиннадцать часов вечера к нам постучали. Орест открыл, вошел Виктор Иванович Ярыгин, военком Верхней Синячихи. Он был очень взволнован, отказался от еды. Сказал, что сегодня его сняли с работы, исключили из партии. Оказалось, что его жена ходила по базам, покупала дефицит, отправляла его в Москву, там родственники продавали дороже, высылали ей деньги. Он сказал, что он ничего не знал. Он полковник, в войну был адъютантом маршала Жукова. Орест посоветовал ему ехать к Жукову в Свердловск и все рассказать.

Через две недели Ярыгин появился у нас. Рассказал все. Он ежедневно приходил в приемную, но Жуков принял его только на тринадцатый день. Когда зашел к нему, Жуков, не поднимая головы, стукнул кулаком по столу: "Боевой офицер, полковник, мне два раза жизнь спас, а с юбкой не мог справиться! Так вот, не сделаешь выводы, помогать больше не буду!". Тебя вчера восстановили в партии, дали строгача, теперь едешь в Алапаевск выполнять, - Все!" - Мы были рады за него.

Школьные годы, директор

В августе 1950 года меня назначили директором семилетней школы №15. Мне только 27 лет. К началу года школа хорошо подготовилась, хотя помещение было ограничено: всего четыре классных комнаты. Коллектив учителей был сильный, ответственный. Учеников набралось не на восемь, а на шестнадцать классов. Куда размещать остальных? Пошли к директору ДОКа. Школе выделили барак на четыре класса, и помещение на два класса в жилом доме.

Микрорайон п. Октябрьского очень сложный. В школе было много детей без отцов, дети

из совхоза "Алапаевский", из семей раскулаченных, здесь же дети военнослужащих, офицеров (рядом воинская часть), работников ДОКа. Чтобы помочь малообеспеченным детям, на средства, заработанные детьми и учителями во время осенней работы в совхозе, и с помощью родителей организовали Фонд всеобщего. Детей кормили и одевали. Помощь оказывали ДОК и совхоз.

В 1943 году я закончила учительский институт, в 1951 году поступила в свердловский педагогический институт, заочно. У меня семья, дети и школа, которая требовала большой работы. Быт был не такой, как сейчас. Топили печи, носили воду, стирали руками. Откуда были силы? Спали по четыре-пять часов. Нужно было много читать, следить за новинками.

Мы старались знакомить детей с музыкой, живописью, культурой, историей своего города. Слушали музыку сначала на патефоне, потом магнитофоне. В коридоре была галерея художников, в основном на картинах из журналов.

Все учителя имели планы работы, постоянно проходили педсоветы, один раз в месяц общее собрание всего коллектива, в том числе технических работников. Предупредила сразу: чтобы в коллективе не было недомолвок, сплетен, разговоров кто кого обидел, лучше обо всем говорить сразу, на этих собраниях. Однажды провожу совещание, поднимает руку техничка. Я часто ей помогала, то картошки дам, то молока, то вещи.

- Мария Ивановна, ты меня оскорбила...

Все повернулись к ней. Я опешила, я никогда никого не оскорбляла. А она говорит: "В тот четверг ты меня назвала дипломатом... У нас в деревне дипломатом зовут самого пропащего человека, потому что у него вся шуба в заплатках, он бедный, ленивый..." Пришлось ей все объяснить, и она извинилась.

Но школа по-прежнему училась в три смены! Не помогали и обращения родителей к Маленкову и Хрущеву. Ответ один: нет денег! Орест Федотович обследовал здание школы и предложил сделать второй этаж. Председатель горисполкома Григорий Иванович Косых одобрил. Строить решили сами с помощью привлеченных средств, участвовали дети, учителя, родители, помогли предприятия. Начали строить в мае, к 1 сентября обновленная школа была готова. Мы получили еще четыре классных комнаты, спортивный зал, пионерскую и комсомольскую комнаты. Дети стали учиться в одном здании, но по-прежнему в три смены.

Рядом со школой очистили от мусора огромный участок земли. Вскопали, внесли удобрения, посадили фруктовые деревья. Оставили землю для каждого класса, чтобы могли высаживать растения, вести наблюдения по биологии. Потом посадили деревья вдоль всей улицы Бочкарева. Лозунг школы был: "Пятнадцатая должна быть первой!"

Мы уделяли большое внимание личности каждого ребенка, вели наблюдение за развитием и ростом каждого. Изучали бытовые условия, знали родителей. Не спешили с выводами по оценке поведения и дисциплины. В школах не было психологов. Учителя сами были и психологи и воспитатели. В работе с детьми использовали учения Макаренко, Ушинского, Сухомлинского. Учителя обязательно посещали семьи своих детей. Я и завуч не были исключением. Это помогало лучше узнать ребенка, родителей, быт семьи, условия занятий. Условия жизни у многих были тяжелые.

Приведу один пример. Володя Солдатов, ученик пятого "Б" класса постоянно опаздывал на уроки. Беседы с ним и матерью не помогали. Давали слово, но он снова опаздывал. Пошла к нему домой в половине восьмого утра. Жили они на поселке "Металлист", там жили в основном раскулаченные. Бараки и двухэтажные дома. У каждой семьи одна комната. Пришла я к Володе, дверь не заперта, постучала, никто не ответил. Вошла. Вижу две кровати, стол, тумбочка и ведро у двери, в котором все! Запах страшный. Мальчик спит. Подошла, тихо разбудила: "Володя, вставай!" Он вскочил, увидев меня: "Мария Ивановна, это Вы? - Я, Володя, вставай, одевайся, пора в школу. Вынеси из ведра, набери полное ведро снега". Он быстро оделся и побежал. Я посмотрела на стол. На столе был хлеб, сахар, на плите стоял чайник. Я все поняла. Так питается ребенок, у него нет сил учиться. Оказывается, его мать пьет.

В школе я повела его в буфет (горячие обеды, выпечку и молоко привозили из столовой), сказала буфетчице подать завтрак мальчику и кормить три раза в день за счет "Фонда всеобщего" школы бесплатно. Вызвала председателя родительского комитета, попросила купить мальчику

за счет Фонда школьную форму, три рубашки, трусы, пионерский галстук, ботинки, носки, портфель и т.д. На поселке, узнав о моем визите, начали стыдить мать: "Сама Мария Ивановна занимается твоим сыном, ты бессовестная" и т.д. Через несколько дней мать Володи пришла ко мне. Плакала, просила прощение. Дала слово, что не будет пить. Слово сдержала.

Я уже буду работать в горкоме партии, когда Володя придет ко мне в кабинет. Заходит симпатичный молодой человек, я с трудом узнала его и говорит: "Спасибо, Мария Ивановна, Вам за все. Я пришел посоветоваться, что мне сейчас делать: в армию идти или поступать в техникум?" Я посоветовала ему поступить в техникум, пока не забыл знания. Он так и сделал. Потом закончил военное училище, стал офицером.

Мои уроки истории в школе дети очень любили. Как учитель я старалась их делать интересными, содержательными и воспитательными. Учила давать на вопрос развернутый ответ, делать вывод, раскрывать причины и следствие событий. Давать свою оценку. На экзаменах по истории за среднюю школу по моему предмету не было троек. Только "четверки" и "пятерки". Это заинтересовало заведующую горно Тamarу Дмитриевну Абрамову, историка, умного и требовательного руководителя. Она решила побывать на экзамене и была поражена и восхищена знаниями и ответами детей. Мне вынесли благодарность. По моим стопам пошли Николай Рыков, Валя Клячина, Валерий Мельников (стал профессором по истории ВУПИ), Юрий Подкорытов, Нина Агапитова и другие.

Депутат горсовета

В 1958 году меня избрали депутатом горсовета, мой избирательный округ - Зыряновка. Проголосовало за меня 99,9 проц. Избираться по этому округу буду пять раз и один раз в Областной совет депутатов трудящихся. На первой сессии избирают председателем постоянной комиссии по народному образованию. Дел хватает. А Ореста, к тому времени он уже имел орден Трудового Красного Знамени за работу на рудниках, решением бюро ГК КПСС назначают начальником Алапаевского строительного управления промышленного и гражданского строительства. Денег на строительство выделяют много, но управление работает плохо. За восемь месяцев все изменилось к лучшему. В декабре 1958 года управление впервые поехало в Свердловск с положительными результатами.

В 1960 году мы переехали из района рудника в центр города, в новый дом, который построили строители. Нам дали трехкомнатную квартиру на третьем этаже. Большие комнаты, кухня 16 м², огромный коридор, ванная, туалет и колонка для нагрева горячей воды. По тем временам это было чудо. Ирина пошла учиться в первую среднюю школу, Таня в детский сад. Я по-прежнему работала в пятнадцатой школе и выполняла обязанности депутата.

Проверка в детском доме

Как-то пригласил меня в ГК КПСС первый секретарь горкома Георгий Силыч Зернов. Это был удивительный руководитель, прекрасный организатор, и отличный человек. В городе пользовался огромным авторитетом, его уважали все. Я с большим волнением вхожу к нему в кабинет. Он поднялся из-за стола, подал мне руку, предложил сесть. Объяснил, что пригласил меня, как председателя комиссии депутатской по образованию и намерен дать мне поручение проверить обеспечение детей в детском доме поселка Зыряновка. Сказал: "Дети пишут, что их плохо кормят, а воспитатели и директор ни в чем себе не отказывают". Предложил взять в комиссию еще человека два депутатов и проверить работу руководства, условия жизни и питание детей.

В горно по моей просьбе мне дали инспектора, в торговом отделе специалиста по обеспечению продуктами детских учреждений, взяли в комиссию врача-депутата. Вчетвером все договорились к пяти тридцати утра прийти в Зыряновку. Была зима, холод, но мы пришли, доложились дежурному воспитателю и пошли на кухню. Но там уже все кипело. Тогда пошли в кладовую, увидели спрятанные масло, сыр и т. д. Наш специалист посмотрела меню и что готовилось. Факт кражи был налицо. Но еще более страшное мы увидели, как босые дети бегут в туалет (туалет выгребной), после него на холодном полу мокрые следы. Я пошла в туалет, а там мочи до щиколотки. Спрашиваю детей, почему они без тапочек, отвечают, что тапочек у них нет. Кругом беспорядок. Завтрак был не питательный, порции маленькие.

Директор пришла на работу в десять утра. В общем, мы им дали такой разгон... Комиссия работала в детдоме три дня. Я все изложила Георгию Силычу, он остался доволен нашей работой. После нас в детском доме работали еще следователи прокуратуры, все подтвердилось, что было в письме детей. Директора сняли с работы, исключили из партии, уволили поваров, завхоза, медицинского работника. В детском доме навели порядок.

Через три месяца Г.С. Зернов опять пригласил меня в горком и предложил работу заведующим отдела агитации и пропаганды. Я категорически отказалась, сказала, что у меня дети, младшей только четыре года. За меня заступился второй секретарь горкома Мизин Н.В. А до этого меня уговаривал пойти заведующей отделом культуры председатель горисполкома Григорий Иванович Косых. Отсоветовал Сергей Васильевич Морозов, друг Ореста и его начальник "Не ходи, ни в коем случае. Город и район большой, очаги культуры в ужасном состоянии, денег не дают, а спрашивают". Это был 1958-1959 гг. В общем, меня взяли "на прицеп". Но я любила детей и не хотела никуда идти.

Работа в горкоме

А меня снова вызывает первый секретарь ГК КПСС и предлагает работу третьего секретаря горкома. Я отказываюсь, и мне уже грозят партийным билетом, а для историка это означало потерю специальности. 29 мая 1961 года прошла городская партийная конференция и меня утвердили третьим секретарем горкома партии. Пришла в школу, простилась, все жалели, что я ухожу. Директором школы оставила завуча Валентину Михайловну Корнюшенко.

В горкоме я не знала, что делать, была страшная апатия. Недели две каждый день ездила в школу, не могла без детей, без детского шума и сидела там. Мое настроение заметили зав. ор готделом Борис Иванович Дорогастин, заведующий промышленным отделом Владимир Прокопьевич Глазов. Они друг за другом заходили ко мне с бумажками, спрашивали мое мнение, совет. И незаметно втянули меня в кипучую жизнь горкома. Город, район, двадцать шесть сельских и поселковых советов, заводы, леспромхозы, совхозы, больницы, школы, очаги культуры... И за все по своей работе надо было отвечать. Было трудно, но хороший, дружный коллектив - это много. И мне очень помогал муж, советом, делом, следил за детьми.

Осень 1961 года была дождливой. Дожди лили с первых дней августа. Хлеб уродился прекрасный, картофель и овощи тоже. Поспела рожь, осыпается зерно, а на поле проехать нельзя, болото. Объявили борьбу за урожай. Члены бюро ГК были направлены в совхозы принимать меры. Меня назначили уполномоченным в "Путиловский" совхоз. Директором был Александр Иванович Чечулин.

Когда муж узнал, что я еду на уборочную, пришел в ужас: "Маша, ты же ничего не понимаешь в сельском хозяйстве! Что ты там будешь делать? "Я не знала, что ответить. Сказала только: "Купи резиновые сапоги". И поехала.

Встретили меня хорошо. Александр Иванович определил меня на жилье. Тогда очень бедно жили в деревне. Хозяйка дома старушка сказала, что спать буду на печке, утром пить парное молоко. Александр Иванович заезжал за мной в половине шестого утра, и мы ехали в поле, к механизаторам. Мне было стыдно, что я ничего не знаю. Хорошо, в школе научили отличать рожь, пшеницу, овес, гречу. А в механизмах ничего не понимала. Александр Иванович тактично объяснял, обращал мое внимание на главное. Никогда его не забуду. Это был прекрасный человек, хороший руководитель. Жаль, рано умер, внезапно, очень молодым. Светлая ему память!

Оперативные совещания проводились после десяти вечера. Мы подняли людей, дали серпы, косы, на комбайны сделали лыжи и т.д. С уборкой справились!

Когда после уборки, зашла в кабинет Г.С. Зернова, он протянул руку, сказал: "Молодец, Мария Ивановна, последний экзамен на секретаря ГК сдала отлично!"

Председатель горисполкома

В июле 1963 года, когда мы вернулись из отпуска в Цхалтубо, я готовилась к работе, как вдруг раздался звонок (был выходной день) из горкома. Зернов срочно приглашал прийти в ГК КПСС. Я оделась, пошла. В кабинете кроме Г.С. Зернова был председатель горисполкома

Андрей Петрович Романов. Потом Зернов говорит, что он уезжает в Свердловск, будет руководить областным управлением автомобильного транспорта. Андрея Петровича Романова обком рекомендует на пост первого секретаря ГК, а меня на место председателя горисполкома.

У меня от услышанного руки и ноги стали ватными. Я похолодела. Потом собралась с духом и говорю им: "Какой из меня председатель? Я в городском хозяйстве, строительстве ничего не понимаю. Не пойду! Все, что угодно, только не это. У меня семья, дети, я и так им уделяю мало внимания. Я хочу раскрепощения, свободы. Не буду!"

- Нет, будете, - услышала я в ответ, - Вы коммунист и мы Вас не выпустим отсюда, пока Вы не дадите согласие. - Я в слезы, реву и реву. Сказала им, что завтра на сессии скажу депутатам, что меня насильно заставили. Продержали часа четыре. Отпустили.

На другой день сессия городского Совета депутатов трудящихся. Приехали представитель обкома и заместитель председателя облисполкома Василий Тимофеевич Безуглов. Он должен был представить депутатам мою кандидатуру. Я опять сказала: "Нет!"

- Хорошо, а что бы Вы хотели получить от облисполкома в первую очередь?" Я посмотрела на него и передо мной стала моя родная пятнадцатая школа. 1500 учеников, развалюха, учителя, занятия в три смены...

- А Вы сделаете то, что я попрошу?

- Сделаю, - отвечает он.

- Тогда нужны деньги на строительство новой школы №15 на 1380 мест. Начать строительство в этом году, сдать в конце будущего.

- Документация, привязка есть?

- Все есть.

- После сессии покажите мне школу.

На сессии депутаты за меня проголосовали единогласно. Я расплакалась, поблагодарила за доверие и выразила надежду, что они будут мне помогать. Потом показала Безуглову школу. Он сдержал слово. Мы построили отличную школу!

Город жил по генеральному плану

Быть мэром, как сейчас говорят, совсем не просто. Случалось, от бессилия, невозможности решить вопрос, даже плакала. Но помогал советом и делом горком КПСС во главе с Г.С. Зерновым, А.П. Романовым и рядом был муж. За пять лет работы председателем горисполкома городу удалось решить многие вопросы.

В 1964 году исполком областного Совета утвердил генеральный план развития города. В основу плана было заложено увеличение мощности действующих предприятий, строительство новых. Построен завод по производству асфальта. Построены новые школы № 15, 4, 10, школа в п. Зыряновка, появились новые детские сады, все дети были обеспечены дошкольным образованием. Сданы тысячи квадратных метров благоустроенного жилья, построен первый кооперативный дом. Реконструирован лопатный цех Нейвошайтанского завода, увеличение объема выпуска лопат было связано с потребностью их на строительстве Асуанской плотины в Египте. Построена современная АТС проведен ремонт первой очереди городской канализации. По моей инициативе был построен цех для слепых и слабовидящих людей. Они делали формы для выпечки и крышки для консервирования.

В начале шестидесятых годов решением правительства СССР за подписью Косыгина Н.А. шахты Алапаевского рудоуправления были законсервированы (породы содержат до 48-51% высококачественной железной руды). Железо из такой руды нужно для изготовления вооружения на случай войны. Все бывшие шахтеры были трудоустроены.

Ежегодно на улицах города высаживалось до сорока тысяч цветов. В 1965 году в Алапаевске инкогнито побывал знаменитый уральский писатель Вадим Очеретин. В комиссии областного Совета по народному образованию, которой я руководила, он был секретарем. Потом он напишет в областной газете "Уральский рабочий": Алапаевск - город цветов".

Немало сил было положено на ремонт городской больницы, тогда сангородка. В начале 1964 года меня со страшными болями в позвоночнике положили в хирургическое отделение, в общую четырехместную палату. Спустя некоторое время ко мне подходит соседка и говорит, что

по больнице ходят слухи, что в больнице в отдельной палате лежит Зимненко. Прийти и посмотреть, что это не так, женщина, которая ей это сказала, отказалась.

После выписки я прошла по всем корпусам сангородка. Никогда не забуду прачечную. Открыли двери, а оттуда пар. На полу вода, прачки в резиновых сапогах стирают белье в корытах, кипятят белье на плите. Тогда еще не было стиральных машин. Что делать? Область строить новую больницу денег не дает.

И я решила капитально отремонтировать старую. Составили план, пригласили директоров предприятий. Рассказала им о состоянии городка. Обратилась к ним с просьбой решить вопрос, отремонтировать больницу. Стали возражать, а я им в ответ, что в больнице лежат их дети, рабочие, служащие, и они имеют право расходовать на их нужды часть средств предприятий. Срок дала два месяца. Сама ездила, проверяла и не давала выходить из графика. Больницу отремонтировали, даже создали лабораторию по производству плазмы крови. Сангородок просуществовал до строительства новой больницы. Ее строительство - заслуга моего преемника Михаила Григорьевича Есаулова.

Новогодние истории

В конце 1963 года звонят директора детских домов, их было два, школы-интернат, главный врач роддома, сангородка: нет денег на питание и лекарства. Приглашаю заведующего горфинотделом С.Д.Боярчука, спрашиваю, как можно решить эту проблему? Отвечает: "Нет денег". Ушел. Что делать, как помочь? Звоню в облфинотдел Рогозинскому П.П. Рассказала, прошу помочь. А он спрашивает: "Мария Ивановна, кто Вам сказал, что у вас нет денег? Вы самая богатая руководитель в области, выполняете бюджет на 145 процентов. Выдайте деньги, кому нужно, а Боярчука проверьте".

Я положила трубку. Что делать с Боярчуком? Сама виновата, всегда верю на слово. Хватит! Открывается дверь, влетает весь красный Боярчук и просит прощения. Говорит, что больше никогда так не поступит, он решил меня проверить. Деньги все получили, но осадок остался.

В декабре 1965 года другой случай. Позвонил начальник станции Алапаевск и говорит, что в адрес ОРСа металлургического завода пришел вагон с вином из Грузии. Но пришла телеграмма от начальника грузинской станции, в которой он пишет, что в вагоне есть незаконно провозимая продукция: апельсины и яблоки. Фрукты тогда зимой были редкостью и продать их могли дорого. Спрашивает: "Что делать?" Я сказала, что сейчас приедут прокурор, зам председателя горисполкома, начальник ОРСа завода, начальник милиции. Пока к вагону никого не подпускать. Мое мнение - конфисковать фрукты, отдать их в детские дома, их было два, школу-интернат, детские сады на новогодние елки.

Когда подъехали грузины, на станции объявили им о моем решении. Фамилия Зимненко не говорит им о том, что я женщина. И вот является ко мне "главный грузин", заходит в кабинет, видит молодую женщину и давай предлагать мне взятку. Я тут же вызвала секретаря и говорю ей: "Рая, Вы свидетель, он предлагал мне взятку". Он деньги еще не спрятал, испугался, выбежал с угрозами. Утром позвонили из торгового отдела обкома КПСС: "Вы что творите, верните грузинам фрукты!" Я сказала, что спекулянтам ничего возвращать не буду. А он мне: "На бюро отвечать будете!" Сказала, что отвечаю.

Ночью позвонили из Москвы: "Мария Ивановна, расскажите, что у вас за история с грузинскими фруктами?" Я все рассказала, сказала, что их приехало с рефрижераторами человек десять. Мы для города не можем купить фрукты, летом не хватает холодильников, чтобы детям возить молочные продукты. А они спекулируют, предложили мне взятку. Это как называется? Ведут себя в городе, как хозяева. Он выслушал внимательно, сказал, что я все правильно сделала. Только у ЦК КПСС есть просьба: "Заплатите им по государственной стоимости и все!" Так мы и сделали. А дети получили подарки с фруктами.

Жаркое лето. Проблемы с водой и помощь Н.А. Косыгина

Лето 1965 года было очень жарким, дождей не было. Единственным источником воды в городе была река Нейва, но она очень обмелела. Мы искали воду, бурили, но не нашли. Что делать? И опять мне помог муж. Сказал мне, что вода есть, она в новой шахте "Центральная".

(Ее построили по новой, современной технологии. Стоимость строительства шахты по тем временам была три миллиона рублей). Чистая на вид вода бежит из под земли. Насосы качают круглые сутки. Надо только проверить качество. Анализы воды тогда делали только в Свердловске. Я позвонила председателю правительства области А.В. Борисову, попросила срочно принять, приехала, все доложила. Через первого секретаря ОК КПСС К.К. Николаева, члена президиума Верховного Совета СССР, рассказали о сложившейся ситуации председателю Совета министров СССР Н.А. Косыгину. Тот выслушал и сказал, что постановление правительства о закрытии шахты будет подготовлено, мы можем строить водопровод и брать воду.

День Победы через двадцать лет

В конце 1964 года пришло решение ЦК КПСС, Генеральным секретарем уже был Брежнев, и правительства отметить (впервые спустя почти двадцать лет) торжественно 9 мая 1965 года 20-ю годовщину Победы над фашисткой Германией. В решении было записано всем городским, районным, областным партийным организациям разыскать всех Героев Советского Союза, всех участников Великой Отечественной войны (живых), привести в порядок памятники и могилы умерших. Проверить жилищные условия участников войны, если плохие, выделить жилье в новых домах (стройки шли повсюду).

В городе и районе оказалось восемнадцать Героев Советского Союза. Один из них Иосиф Бельский первым переплыл Днепр, был контужен, По слухам жил в городе, вдвоем с женой в комнате, холодильника, стиральной машины не было. Мы предложили, он отказался. Я сказала руководству завода купить ему телевизор, холодильник, стиральную машину, костюм. А когда узнала, что он на металлургическом заводе чистит на территории туалеты, мое возмущение было не описать.стыдила руководство завода, секретарей парткома за их политическую недалекость: "Вы сами подумайте, другой бы на его месте надел звезду Героя Советского Союза и пошел бы с ней чистить туалеты. Он шел молодым солдатом на смерть, а вы не нашли ему другой работы. Вы же умные люди!" - "Мы не знали, это начальник отдела кадров..." - Нашли ему другую работу. Всех участников войны нашли, всех посетили.

7 Мая 1965 года в спортивном зале стадиона "Металлург" были накрыты шикарные столы, играл духовой оркестр. День был теплый, солнечный. Нарядные, с женами они шли навстречу друг с другом через двадцать лет. Много цветов, радостные улыбки, слезы. Я и Андрей Петрович встречали их, жали руки, обнимали. Когда все уселись, я открыла застолье. Говорить я умела, но в этот раз превзошла себя. Речь получилась яркой, образной, патриотичной. Многие плакали. Я подняла рюмку и сказала: "За вас, наши герои-победители, за счастье, которое вы дали нашей стране этой Великой Победой! С Великим праздником вас, дорогие алапаевцы!"

Слезы, объятия, шум бокалов, музыка, песни... Все прошло здорово! Всех развезли по домам, а я, Клавдия Георгиевна Романова, жена первого секретаря оказались в кабинете директора стадиона сидящими на столе и поющими песни. Меня еле нашел мой муж.

Пишу эти строки 10 мая 2013 года. Вчера отмечали 68 годовщину Победы над фашистами. Пришло поздравление от В.В.Путина, зато местные власти не поздравили. Ну, да бог с ними! Смотрели парад по телевизору. Все было хорошо подготовлено, особенно величественно выглядели шествие и парад войск в Москве. Впечатляет!

Вспоминая Алапаевск, думаю, сколько людей и судеб прошло рядом со мной, а сколько прожито! Жизнь пролетела! Сегодня 5 января 2014 года, смотрю фильмы моей молодости, вспоминаю старых артистов. Вот это были артисты! Зоя Федорова, Лидия Смирнова, Вера Васильева, Николай Крючков, Василий Лановой, Владимир Жаров и другие. А с Зоей Федоровой и Лидией Смирновой мы сидели в Алапаевске за одним праздничным столом. Это был 1967 год, год 50-летия Советской власти и работники культуры ездили по всей стране с концертами. Так они приехали в Алапаевск, где я, как хозяйка города, их принимала. Лето. Концерт был на стадионе, людей более пятнадцати тысяч человек. Оборудовали сцену, а за ней столы с самоварами, пирожками, печеньем, фруктами. Но главное - вобла, гости ее расхваливали, очень всем понравилась. Зрители от встречи с такими знаменитостями были в восторге. Вечером

руководство города пригласило гостей в ресторан, уезжали они на следующий день.

Новая работа

В первый мой созыв депутатов областного Совета в 1965-1967 гг. меня избрали председателем постоянной комиссии по образованию, во второй в 1967-1969 гг. – по культуре. Какие люди в них были, какими людьми я руководила!

В первой декаде ноября 1967 года председатель облисполкома А.В. Борисов повел меня к первому секретарю ОК КПСС К.К. Николаеву, сказал мне, что они хотят перевести меня в Свердловск и предлагают мне работу заведующей облоно (сейчас – министром образования) Николаев сказал Борисову: "А почему не заместителем председателя облисполкома, у тебя нет ни одной женщины?" Я пришла в ужас, у меня семья, дети. Согласилась только на заместителя заведующего облоно. "Хорошо", - ответил Николаев К.К., но остался мной очень недоволен. Он хотел моего роста. Потом я поняла, что совершила ошибку. Я стала рабочей лошадкой, работала на других. Один из моих начальников часто болел, другой в рабочее время писал диссертацию, ничего не делая. Но назад ходу не было.

Прощание с Алапаевском

Прощание с городом моей молодости, любви, рождения детей было очень грустным.

Часто вспоминаю последнюю встречу с медиками. За два дня до моего отъезда меня пригласил главный врач больницы Лев Митрофанович Радченко на утреннюю линейку в сангородок. Я приехала. Линейка прошла нормально. Потом встает Лев Митрофанович и говорит: "Мария Ивановна, мы знаем, что Вы уезжаете. Мы хотим сказать Вам слова благодарности за все, что Вы сделали для нас, медицинских работников, в целом для здравоохранения города и района. Спасибо Вам от всех медиков и жителей города! Успехов на новой работе, здоровья и счастья!" Сдергивает со стола простыню, а там шампанское, фрукты, конфеты... Вручили мне цветы и огромную хрустальную вазу. Я всех их помню, особенно Марию Андреевну Галактионову (врач, зав. отделом здравоохранения горисполкома), Льва Митрофановича Радченко. Их уже давно нет в живых, вечная им память!

На сессии горсовета меня освободили от должности с переводом в областной аппарат. Председателем горисполкома избрали моего бывшего заместителя Михаила Григорьевича Есаулова. Прекрасный человек, ответственный руководитель. Это моя рекомендация. Недавно они с женой Ниной Николаевной поздравили меня с 90-летием не только от себя, но и от города.

... А дома мой муж собирает, пакует все нажитое в Алапаевске. 17 ноября 1967 года в 6:00 к дому подъехали машины, стали грузить. В это время наши соседи и друзья Черемных Геннадий Иванович и Агния Ильинична, их мать, Лидия Ивановна всю ночь стряпали пельмени, накрыли стол, пришли друзья, товарищи по работе, и они всех нас пригласили за стол. Все было восхитительно и трогательно до слез. Что ждет нас в большом городе моего детства, где прошла моя юность? Где жили мои родители, сестра Оля со своей семьей? Восемь - десять человек провожали нас до Режа. Мы поехали в неизвестность...

Итак, я начала работать в облоно заместителем заведующего, руководителем школьного сектора. Молодежь до тридцати пяти лет, этого требовало Постановление правительства, должна была учиться и получать образование. К 1976 году у нас в области средним образованием было охвачено 98 процентов молодежи. За этим следили не только органы народного образования, но и партийные, комсомольские, профсоюзные организации, администрации предприятий. В армию уходили ребята почти все со средним образованием.

Приступив к обязанностям, сразу сказала своим инспекторам, что не потерплю в коллективе никаких группировок, сплетен и т.д. Если у кого-то возникнут вопросы, сомнения, приходите ко мне, будем разбираться. Помогу, чем смогу. И я умею хранить чужие тайны, никогда никому ничего не выдам. Если что-то не так, расстанемся! Кто хочет работать со мной – принимайте мои условия.

Никто не ушел, но коллектив стал дружным, сплоченным.

Орест

В ночь с девятого на десятое января 1970 года у Ореста случилось кровоизлияние - инсульт, его положили в больницу. И я виню в том Женьку, двоюродного брата Ореста. В

декабре они (их было трое) приехали с Украины к нему на юбилей, привезли несколько мешков сухофруктов, продать на свердловском рынке. На рынок их не пустили, не было соответствующих документов, и Орест таскал эти мешки с первого на четвертый этаж. А братья не думали помогать. Я была днем на работе и не знала, что он таскает мешки один, а эти трое сидят и смотрят. Я оберегала его от всего, а родственники довели до инсульта. Никому об этом не рассказывала, да что толку, свершилось... Жалко Ореста. Ему было только шестьдесят лет!

2014-й год

Сегодня (уже март) в стране большой праздник. Вернули себе Крым и Севастополь. Ура!!! А на Украине власть захватили бандеровцы, русских преследуют, убивают, грабят, насилуют... Что будет дальше? Янукович сбежал в Россию. Бросил народ, а сам спасает свою шкуру. Трус! Я не могу дозвониться родным в г. Марганец Днепропетровской области. Путин В.В. – умный, деловой руководитель страны, авторитет его в мире велик. Вот если бы еще он наших олигархов приструнил, заставил бы их не банкротить предприятия, а модернизировать, давать рабочие места. Сельское хозяйство надо поднимать. Не коттеджи строить на пахотных землях, а выращивать зерно, пшеницу и овощи. Не ввозить на Урал морковь и картофель из Израиля и Египта. Позор! Строить жилье по разумным ценам. Где учитель, врач, рабочий возьмут пять-шесть миллионов на квартиру? Я думаю, что если наш Президент будет эти вопросы решать, он войдет в Историю с большой буквы.

Но время неумолимо

8 июля 2016 года бывший председатель Алапаевского горисполкома Мария Ивановна Зимненко в нашем разговоре искренне сожалела, что сегодня многие предприятия, еще недавно бывшие гордостью Алапаевска металлургический, станкостроительный, машиностроительный заводы, не работают. А 2 октября 2016 г. Мария Ивановна ушла из жизни. Похоронили Марию Ивановну в Екатеринбурге, на Северном кладбище рядом с мужем, Орестом Федотовичем.

Учитель по призванию, она оставила добрый след в сердцах и душах своих учеников, родных и близких, жителей города, которому она отдала более двадцати лет своей жизни, в областном отделе народного образования, где ее труд был отмечен высокими наградами.

Она любила детей. И это была ее работа. За многолетний, плодотворный труд М.И. Зимненко была удостоена многих Почетных грамот, награждена двумя орденами Знак Почета.

Ее воспоминания – не просто история жизни отдельного человека, но гражданина великой страны – Советского Союза, России. В каждом эпизоде, событии – частица жизни государства, которым она гордилась.

Я благодарна Марии Ивановне, Ирине и Тане, доверившим мне эти воспоминания. И сожалею, что сама Мария Ивановна их уже не прочтет. Светлая ей память!